

Рональд Уизли не слишком хорошо проводил время в Хогвартсе. Дело было не только в том, что он теперь Слизерин, что само по себе было достаточно плохо, учитывая, что ему не хватало некоторых слизеринских черт, а именно коварства и/или семейных связей; дело было во всем Хогвартсе. Он всегда был шестым сыном, но за последние два года привык быть одним из двух, оставшихся дома. Это было больше внимания, чем он когда-либо мог припомнить.

Сейчас его внимание привлекало только то, что он был первым Уизли в истории Слизерина, и это было совсем не то внимание, которого он хотел. Ни постоянные придирки матери к тому, делает ли он успехи в воскрешении, ни непрекращающиеся придирки сестры к Гарри Поттеру не улучшали его настроения. В результате он так и не ответил ни на одно из их писем.

Конечно, все эти передовые и сложные мысли не были в сознании Рональда. Это были выводы, сделанные его бессознательным разумом, который заставлял его вести себя так, как он вел: угрюмо, враждебно, эгоцентрично и откровенно недоброжелательно. Впрочем, само по себе это не было бы проблемой, ведь нынешний глава Слизерина тоже был угрюмым, враждебным, эгоцентричным и недоброжелательным. К сожалению, родители Драко Малфоя также обладали влиянием и деньгами.

В результате у младшего Сонку Уизли была худшая кровать в общежитии, худшие партнеры на всех уроках, а его постоянные отвлечения привели к худшим оценкам за весь первый год, и даже он знал, что получить оценки лучше, чем у Крэбба и Гойла, - это не достижение. Как эти два жалких оправдания волшебников вообще умудрились попасть в Хогвартс с их магическим талантом ниже среднего, оставалось непостижимой загадкой. Но одно было ясно: это произошло не благодаря впечатляющим теоретическим способностям.

Как бы он ни старался, он не мог обвинить в своем затруднительном положении никого другого. Кроме директора, Распределяющей шляпы и заместителя директора. Но если бы он был Поттером, ему было бы неинтересно разговаривать со Слизеринцем; черт, даже будучи Слизеринцем, он не хотел разговаривать со Слизеринцем больше, чем это было абсолютно необходимо.

Однако это отношение полностью изменилось, когда он вломился на вечеринку книжных червей и обнаружил там двух своих Слизеринцев - ну, он отказывался называть их соседями по дому. Дафна и Трейси никогда не придирались к нему, но они также не показывали никаких признаков того, что недовольны тем, что оказались в Слизерине. А это означало, что скоро наступит темнота, если уже не наступила. Все мерзкие змеи в конце концов станут такими, так что они не были сюрпризом.

"Гарри, ты должен поесть", - подтолкнула Гермиона своего все еще тайного друга.

"Но я не голоден. Я не думаю, что смогу поесть", - удрученно пожаловался он, получив от нее сочувственный взгляд.

"Я знаю, что у тебя сегодня трудный день... - начала она, но так и не смогла закончить свое, как она надеялась, ободряющее и поддерживающее замечание.

"Не обижайся, Гермиона, но ты не знаешь и половины. Я знаю, что ты и твои родители не в лучших отношениях, но, по крайней мере, они все еще рядом. Я никогда не узнаю, какими были мои родители, только искаженные образы, которые сложились у других людей", - пробормотал он почти про себя. Его слышала только Гермиона.

"О, Гарри...", - больше никто не произнёс ни слова, так как Гермиона заключила своего парня в объятия, которые были социально приемлемы между друзьями. Более тесные объятия должны были произойти позже, где-то между уроками и общением с троллем, выпущенным на свободу в замке, полном детей.

Гарри, Невилл и Гермиона были отстранены от участия в празднике неожиданно заплаканной профессором МакГонагалл. Узнав о том, что Хэллоуин теперь значит для Гарри, она без всякого сожаления исключила их из этого мероприятия. Если твой дом - это действительно твоя семья, то Гарри не должен оставаться один в такой сложный для него день.

Гарри долго спорил с ней о том, стоит ли брать с собой Невилла, но в конце концов ее доводы его переубедили: им нужен был кто-то еще, чтобы правдоподобно отрицать свою причастность к инциденту с троллем, который ожидался в ближайшее время. Оставалось только убедиться, что Невилл не пострадал.

И вот они прогуливались по школе, пока остальные ученики наслаждались пиром в Большом зале, якобы "исследуя" все тайные ходы, которые Гарри и Гермиона уже знали, но Невилл был хорошей компанией, поэтому у них не было желания жаловаться, разве что Гермиона не могла утешить своего Гарри в этот очень важный и довольно печальный день. С этим они разберутся позже.

"Я не могу поверить, что мы нашли кухню. Фред и Джордж всегда хвастаются, что добывают еду для вечеринок и тому подобного, но это так просто. Такие интересные маленькие существа, домовые эльфы, ты не находишь?" взволнованно спросил Невилл, только что покинув упомянутые помещения и съев пиршество, которое, по крайней мере, могло соперничать с тем, что подавали другим студентам практически прямо над головой.

"Я до сих пор не могу поверить, что в Хогвартсе работает целая армия рабов", - горячо ответила Гермиона. Это была чистая правда, хотя она была гораздо глубже, чем Невилл мог предположить. У нее было гораздо больше лет, чтобы смириться с этой информацией, чем он думал, и все равно она не могла в это поверить.

"Дай угадаю, ты хочешь им чем-то помочь", - подхватила ее подруга. Иногда они играли в эту игру, дразня друг друга будущими знаниями. Буквально за день до этого Гермиону пригласили на Святочный бал, и она с радостью согласилась, сославшись на свою любовь к игрокам в квиддич. Это было не совсем ответственное поведение, но даже Гермиона не видела в этом ничего плохого, и иногда это помогало ей сохранять здравый рассудок на протяжении всех переживаний.

"У тебя будут проблемы с этим, Гермиона", - предложил Невилл с извиняющимся выражением

на круглом лице. "Домовые эльфы очень довольны тем, кто и что они есть, во всяком случае, большинство из них. Убедить их отпустить своих слуг может быть непросто. А сделать это, когда слуги не хотят быть свободными, почти невозможно". Заметив недоверчивые взгляды на лицах обоих, он объяснил свою нехарактерную готовность поделиться информацией: "Бабушка учила меня политике волшебников с тех пор, как мне было четыре или пять лет. Но знаешь, Гарри, то же самое касается и тебя, верно?" Увидев удивленные взгляды на лицах Гермионы и особенно Гарри при этом последнем замечании, Невилл нахмурился.

"Гарри, ты не можешь сказать мне, что тебя не учили политике и домоводству. Ты же последний Поттер, ради Мерлина, конечно, ты учился", - сказал все еще изумленный мальчик. Получив в ответ лишь шокированный взгляд и покачивание головой, шок отразился в дружелюбном поведении Невилла.

"Невилл, я могу честно сказать, что впервые слышу о так называемом "домашнем бизнесе"", - объяснил Гарри под шокированные вздохи друга.

"Я и так собирался пригласить тебя к себе на каникулы, но это стало гораздо важнее. Если хочешь, бабушка может показать тебе все, что нужно", - предложил Невилл, широко ухмыляясь. Было видно, что он с нетерпением ждет этого.

"Не так сильно, как я", - внутренне усмехнулась Гермиона. Ей предстояло узнать что-то новое, то, что она никогда не могла узнать раньше. То, что это также может помочь им с Гарри в достижении их целей, было маленькой вишенкой на вершине большого мороженого, которым было новое знание.

"Записывай меня", - услышала она ответ Гарри, прежде чем успела подумать о том же самом.

"А разве вам не нужно сначала попросить своих пар... опекунов?" - спросил смущенный Невилл.

"Они будут очень рады, где бы я ни был, лишь бы не с ними", - ответил Гарри с невозмутимостью, которая всегда приводила Гермиону в ярость.

Прежде чем выражение злости, которое она увидела на лице Невилла, переросло в ярость, Гермиона ответила. "Я с удовольствием приду, Невилл. Мои родители все равно уехали за город, на какое-то важное общественное мероприятие для британских медицинских работников. Остаться с тобой будет гораздо лучше, чем идти с ними и подвергаться приставаниям со стороны препубертатных сыновей врачей".